

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82'09

ЦЕРКОВЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ДИАЛОГ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

С. А. Колесников*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:**SKolesnikov.bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются отдельные аспекты взаимоотношений между Русской православной церковью и художественной литературой в период Серебряного века. Автор отмечает наличие двух векторов в развитии этих отношений – позитивного и негативного. Особый акцент в статье делается на рассмотрении негативного вектора, способствовавшего нарастанию напряженных отношений между Церковью и литературным сообществом, с одной стороны, и усилением катастрофичности в обществе на «рубеже веков» – с другой.

Ключевые слова: Серебряный век, литература и церковь, теургия, язычество, оккультизм.

Взаимодействие Русской православной церкви и художественной литературы в решении проблемы социальной стабильности имеет развернутую историю, восходящую к духовным вербально-художественным «проектам» Кирилла и Мефодия, к созданию национальной письменности [1]. Однако процесс взаимовлияния литературно-художественного и церковного сознания, практически с самых первых этапов своего генезиса, перманентно включал в себя антиномичные векторы – взаимно «комплиментарные» и взаимно антагонистические.

Сама ситуация зарождения высокохудожественной отечественной литературы сакральна и принципиально церковна: первичные жанровые формообразования – гомилистически-ораторские [2, с. 59], первичная содержательная семантика оригинальных произведений Киевской Руси – христологична и христоцентрична [3], онтологические и этико-аксиологические цивилизационные коды [4] полностью формируются под влиянием церковной культуры...

Однако в противовес комплиментарным моделям взаимоотношений литературы и церкви все более нарастающее влияние начинают оказывать «эвдемонические» (М. М. Дунаев) [5, с. 5], материально ориентированные, а потому потенциально деструктивные стратегии. Духовно-сотериологическое «прославление Бога» (Д. Лихачев) [2, с. 75], посредством вербально-художественной культуры, обращенное к «обретению сокровищ на небесах», «форма вспомоществования спасению» (Л. В. Левшун) [6, с. 36] сменяется секулярными мотивами и негативными оценками в адрес церкви (начиная с эпохи русского Просвещения) как реально существующей, «материализованной», структуры. «Прогнозис» духовных интуиций, представленных в ранних произведениях Киевской Руси, трансформируется в рациональную проектность «оптимизации» церкви, церковь начинает представлять в секуляризированной художественной литературе как «земное» образование, а, следственно, потенциально подверженное разру-

шению. В самой вербально-художественной культуре возникают «книги» как феноменально проявляемая целостность и «литеры» как манифестируемая разобранность, как комбинируемая дискретность [6, с. 6].

Можно утверждать, что интенсивность динамики противостояния вербально-художественного и церковного сознания в Серебряном веке достигает своего максимума.

На рубеже XIX – XX вв. в отечественной культуре происходит столкновение, «финальная схватка» (в рамках терминологии концепции А. Тойнби) между этими двумя генеральными культурными модусами. Церковь и литература обретают в общественном сознании эпохи равновесное звучание, церковное «слово», но, особенно, претендующее на исключительность, «слово» литературное, уже не могли придерживаться рамок своих культурных ареалов. Потенциалы церковной и вербально-художественных культур в общественно-читательском сознании Серебряного века уравнились: перед эпохой встала задача определить, какое из направлений станет доминирующим.

По существу, художественная литература предложила себя в качестве сакрального «эквивалента» литературе духовной, некоей «имитации» параметров, свойственных церковной книжности: у писателей и поэтов «рубежа веков» отчетливо проявляется стремление к имитации литургичности [подр. см. 6, с. 36], молитвенности (ранний С. Есенин, А. Блок, Д. Мережковский и др.), исповедности (трансформированной в дневниковый жанр, который в Серебряном веке, как уже отмечалось, был необычайно развит), харизматичности (практически каждый талантливый писатель эпохи – в определенной степени создатель харизматически обусловленной группы или социально резонансного явления: толстовство, «санинщина», «передоновшина»... – как одна грань проявления подобной харизматичности, и – другая – «символисты», «адамисты», «аргонавты» и пр.), теогностичности («роза ветров» богоискательства М. Горького, Л. Андреева, Л. Толстого и мн. др. поражает многонаправленностью), поучительности (яркий пример – религиозный дидактизм Л. Толстого)... Однако подобная мимикрия, естественно, не могла укрепить «охранную связь художественного образа с его идеальным подобием и «первообразом», скорее провоцировала все большее увеличение дистанции между ними.

Имитация книжной духовности, в частности, молитвенности, не могла выполнить главную «функцию» истинно духовного текста – «снятие зазора между реальным и идеальным состояниями человеческого существа» (П. Ю. Нешитов [7: 93]; в лучшем случае, благодаря высокоталантливому описанию возникала «симуляция» подобного синтеза, виртуализация читательского сознания.

Предлагая разрушить традиционную религиозность, вербально-художественная культура позиционировала себя в качестве замены Церкви, пыталась взять в свою зону ответственности духовные функции, которые на протяжении столетий выполнялись традиционными религиозными институтами. «Поэт оказывался той сакрализованной фигурой, – писал В. М. Живов о первых, предшествующих Серебряному веку, попытках художественной литературы вытеснить церковную, – который посредничает между Божеством и человечеством» [8, с. 677]. Но если в XVIII – XIX вв. подобная попытка еще предполагала совместное, параллельное с церковью сакральное «представительство», то в Серебряном веке литература предпринимает действия, предполагающие ее исключительное положение. Поэт теперь предстает не только властителем дум, но и душ, как минимум «теургом» (о теургической теме в Серебряном веке см. [9], [10], [11]) «иерофантом», «демиургом» и пр., создающим виртуальную реальность, где традиционной церковной культуре нет места. Миры Ф. Сологуба, А. Блока, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Белого и др. не нуждаются в церковности как связующей с Богом формой, в текстуальной реальности потребность в этой функции отпадает: абсолютom является сам автор, который напрямую контактирует с читателем.

Конечно, сама Церковь осознавала опасность, нарастающую в начале XX в. со стороны вербально-художественной культуры. Существует достаточно большое число документов, подтверждающих, что из церковных кругов регулярно поступали в высшие органы церковного управления сигналы о нарастающем противостоянии литературы и церковности, причем противостояния как на уровне массового, так и высокоинтеллектуального сознания. Например, см. отчет Харьковской епархии 1913 г.: «В настоящее время много вреда продолжает наносить литература в виде дешевых копеечных газет... посредством которых распространяется безбожие» [12, с. 54]. Предостережения Иоанна Кронштадского в статье «Путь к Богу» об опасности чрезмерных претензий интеллектуально-творческой раздвоенности вербальной художественности – «Господа писатели... вы никогда не бываете равны сами себе», также не были четко осознаны прежде всего самой Церковью. Можно утверждать, что РПЦ, исходя, очевидно, из прошлого опыта успешного противостояния «кощунственной поэзии» (В. М. Живов) не увидела в литературе по-настоящему опасного противника, ратующего за ее полное уничтожение.

Одной из стратегий, «о-текстовывающих» нуминозность общества и предназначенной прежде всего для читателя не самого высокого интеллектуального уровня, являлась стратегия создания и внедрения суеверно-мистических парадигм сознания. Мистическая суеверность становится достаточно эффективным средством в произведениях многих писателей Серебряного века для достижения деструктивных целей. Естественно, что основной прорыв в читательское сознание суеверного мировоззрения через вербально-художественную культуру осуществлялся низкопробной, «желтой» литературой. Максимальный анти- и внецерковный размах приобретали представленные в художественных произведениях интеллектуально-эзотерические идеи. Эзотерика, взрывообразно распространившаяся в Серебряном веке, – теософы, антропософы, розенкрейцеры, спириты... – переполняет страницы высокоталантливой прозы. По сути, можно говорить об эзотерической «партийности» литературы Серебряного века, демонстративно отошедшей от партийности революционной, однако в своем противостоянии традиционной церковности подпавшей под влияние оккультизма.

Светская художественная литература в своем стремлении разрушить церковную культуру искала «союзников» в реализации разрушительных задач. И такой исконно-древний противник РПЦ был найден – язычество. Противостояние язычества и христианской церкви имеет многовековую историю: от противостояния первохристианства и античного язычества до напряженных отношений с неоязычеством XXI в. При этом показательно, что наибольшее противостояние между двумя религиозными направлениями возникает именно в художественно-текстуальном дискурсе, «битва» текстов всегда сопровождает историю антагонизма поли- и монотеизма. Раннехристианская апологетика Татиана, Афиногора, Тертулиана и др., святоотеческие философско-богословские трактаты Августина Блаженного, великих капподакийцев, антимагические, а, по сути, анти-языческие тексты позднего средневековья и т. д., – формировали в западном общественном сознании четкую линию противостояния политеизму. Эта тенденция была воспринята и отечественной культурой на самом начальном этапе возникновения РПЦ. Обширный блок противоязыческих произведений Киевской Руси (от «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона через синтез языческо-христианского мировоззрения в «Слове о полку Игореве» к анти-язычеству «Задонщины»), житийная литература (Киевско-Печерский патерик и др.), хождения («Хожение игумена Даниила»), официально-церковная литература Московского государства создали фундаментальное направление, позволяющее эффективно преодолевать деструктивные пароксизмы язычества. Империя Петра Первого в своих художественных текстах предприняла попытку «реанимировать» язычество на государственном уровне. «Золотой», XIX в., русской литературы сумел сгладить противостояние

между язычеством и РПЦ, выведя язычество за рамки пристального внимания «высокой культуры», транспонировав его в фольклор и завуалированную область «двоеверия». Однако литература Серебряного века в борьбе с РПЦ вновь актуализирует языческую художественно-вербальную традицию, имплицитно хранящуюся в культурном сознании эпохи. Вместе с тем, необходимо отметить и глубину усвоенного народным сознанием христианского мировидения. Количественное подтверждение этого тезиса обнаруживается, например, в исследовании И. М. Сироты «Параллели. Библейские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости, проведенного в знаково-трагичном 1914 г., установившего, что свыше 1000 известнейших русских народных пословиц, имеют библейские «гены».

Одним из главных аргументов вербально-художественной культуры Серебряного века в апологии многобожия становился тезис о значительном творческом потенциале, скрытом в политеистическом мировосприятии. Истоки подобной позиции также обнаруживаются еще в древнерусской литературе, когда «поэзия связывалась с языческими корнями», когда «патриархально-поэтическое представление доминировало над летописным» [2, с. 81]. Возрождением творческой традиции язычества и прикрывались деструктивные стратегии «рубежа веков», направленные на разрушение РПЦ и снижение ее роли в обществе. Прочность традиционно-церковной религиозности подвергалась сомнению. Показательным является высказывание А. Чехова, суммирующее общий блок про-языческих позиций в литературе нач. XX в.: «Русский мужик никогда не был религиозен, а черта он давным-давно в баню под полку упрятал». Все чаще языческое мировосприятие в литературе выдвигалось в качестве истинного, глубинно присущего русскому культурному сознанию.

Можно констатировать, что в отечественной литературе начала XX в. возникает ситуация появления неоязычества, предлагающего свою систему ценностей и свою онтологию, ситуация «рас-крещения» России, внесения в ее духовную жизнь, в значительной степени с помощью вербально-художественных средств, новой культурообразующей доминанты. Условно можно говорить о ре-старте политеизма, потерпевшего поражение в ходе христианизации Руси, о «прорыве» скрытых паттернов языческой культуры, приведших к глобальным разрушительным катаклизмам.

Закономерной и естественной стратегией художественной литературы, продолжающей антицерковные тенденции язычества, стало культивирование мистических инфрасмыслов в общественном сознании.

Прежде всего это выражалось в нарастании количества мистико-эзотерических тем в высокоталантливой художественной литературе, причем суеверным мистицизм и «интеллектуальным» эзотеризм можно рассматривать как различные, но конгруэнтные деструктивно ориентированные стратегии. Как и в случае с язычеством, имплицитно присущим национальному сознанию, но сублимированного христианско-церковной культурой, мистическое мировосприятие имеет, несомненно, фундаментальные основания, позволяющие ему во многом формировать духовную историю человечества. Извечное ощущение призрачности «земной» реальности, выражаемое или в суеверно-мистических, или в интеллектуально-эзотерических воззрениях и действиях, становится обоснованием и фундаментом для появления и сохранения в культурном генезисе человечества иррационального «майнстрима». Однако именно на рубеже XIX – XX вв. мистические культурные коды начинают более интенсивно проявляться в культурной жизни России. Уровень «мистификации» общества значительно вырастает, «ожидание пришествия царства Духа, вера в приближающееся наступление третьего Завета» [11, с. 456] усиливаются, и одним из важнейших «механизмов», обеспечивающим этот рост, несомненно, становится художественная литература.

Кульминацией оккультизма в литературе Серебряного века становится феномен демонизма как форма крайней антицерковной позиции. Тема дьявола, сатаны как образов, олицетворяющих свободу и независимость, – парафразы революционности – будет одной из широко представленных оккультных тематик. Основными приемами

усиления влияния демонизма на читательское сознание становится, во-первых, «снятие» традиционно негативного представления о демоническом, понижение порога интуиций зла, культивирование «эволюционного понимания зла» (Н. Бердяев «Учение о перевоплощении и проблема человека»), доминирование «относительности» сатанинских образов; во-вторых, уничтожение лимитированных пространств обыденного и inferнального, аннигиляция преград между антиномичными ментальными контекстами – дьявольски-антицерковным и традиционно-церковным.

Логическим продолжением стратегии комплиментарности в отношении демонизма являлось «диффузия inferнального и обыденного» [13]. Создание в литературе образа «дьяволочеловека» становится одним из широко представленных приемов внесения дьявольского в миропредставление, сформированное под воздействием традиционной церковности. Принципиальное принятие возможности создания «человека из колбы», тема, встречающаяся у М. Кузмина, Н. Гумилева, Ф. Сологуба [11, с. 154 – 156], яркий пример нарастающего демонизма, исходящего из литературной сферы. Inferнальные образы, врываются в реальность, провоцировали амбивалентность сакральной идентификации, выливающееся в вопрос-искушение «отличается ли служение Богу от служения дьяволу». При этом нужно отметить политическую ангажированность тотальной inferнальности, ведь даже высокопоставленные советские деятели примеряли на себя буквально маску демонизма: например, известно, что Н. Бухарин проигрывал в юности роль Антихриста. Смещение дьявольского и обыденного, часто обнаруживающее себя, например, в романах Д. Мережковского, по сути, являлась апологетикой кощунственности, В. Брюсов, берущий на себя роль «мага», разрушает границу между inferнальным и обыденным, З. Гиппиус переполнит литературу «рубежа веков» демоническими образами...

Атеистическая традиция в отечественной культуре имеет достаточно развернутое представительство, и Серебряный век в определенной степени продолжает эту традицию. Конечно, количественно атеистическая стратегия деструктивности уступает окультно-мистической, масштаб атеистических воздействий на читательское сознание значительно меньше. Однако в активации темы безверия скрыт достаточно мощный разрушительный импульс: безверие полагает, что в основании бытия лежит ничто, а следовательно, в очередной раз подчеркивает пустотность бытия и соблазняет легкостью его разрушения. Тема ничто как «провала» (М. Хайдеггер), как основы безосновности бытия встречается достаточно часто в произведениях Серебряного века. Так, тема тотального ничто возникает у А. Белого в «Петербурге», где столица империи предстает подвешенной над бездной, где пространство города лишь «метафизическая пустота», где внутри героев рождается взрыв, результатом которого только ничто... Доминирование ничто как онтологической и антропологической характеристик над всеми иными модусами экзистенции и бытия становится центральным в «Коне бледном» Б. Савенкова, где герои эвфемизируют ничто под тезисом «все – все равно», а в другом романе – «То, чего не было» – проблема ничто вынесена в заглавие; у Ф. Сологуба в ряде его романов пустотность бытия акцентируется и аргументируется в качестве основополагающего мироощущения. Примеры можно продолжить.

Общим для стратегии культивации «Ничто» и внедрения его в качестве прайминга в читательское сознание становится соблазнение креативной потенциальностью ничто, будь то любовь к «несуществующему человеку» (А. Камю) или жажда несуществующего бытия. Атеистически настроенная литература уничтожала, разрушала представление о трансцендентальном устройстве бытия, это концептуальное обоснование традиционной церковности. «Ключи к многомерности времени» (Э. Тоффлер) и бытия утрачивались литературой, пропагандирующей безверие, она придавала многомерной духовной картине мира плоскостную интерпретацию. Наиболее часто встречаемый сакральный образ в произведениях Серебряного века – «глухой», «слепой», «отсутствующий» и т. д. бог, «бог, от которого не исходит ни кары, ни воздаяния, бог, который глух» (Х. Ортегга-и-Гассет). Пустота вместо божества, или «смерть Бога»,

столь часто повторяемая писателями «рубежа веков» – четкая деструктивная стратегия, направленная в том числе на ослабление позиций церкви, теряющей право на реальное преобразование жизни, превращающейся в атактистическое явление, требующее, «естественно», уничтожения.

Примеров реального роста атеистических взглядов в обществе под воздействием вербально-художественной культуры в Серебряном веке достаточно много – и среди читателей, и среди писателей. Атеизм и безверие проникает глубоко в общественное сознание, и церковь чутко осознавала эту опасность для собственного социального существования. Ситуация безверия в Бога, в государство, в церковь возникала из-за роста числа произведений, в которых полностью отсутствовала сакральная тематика: например, в художественных мирах А. Чехова, Скитальца, А. Толстого, в целом в «реалистической школе», создаются модели а-теологического бытия, миры, в которых сакральное, священное, божественное, церковное просто не упоминается. Признание права на существование подобных внетеистических миров провоцировало читательское сознание на транспозицию подобных воззрений в реальность, что и вело к эскалации безверия. Роль писателей, признающих возможность существования внетеистичной онтологии, в условиях Серебряного века, имела преимущественно деструктивный характер, несмотря на все гуманистические апологии: пропаганда безбожия вела к агитации к антицерковности, к разрушению традиционной социальной парадигмы, куда была «вписана» РПЦ. Скачок от отрицания идеала к секуляризации идеала был закономерен: отрезание человека от Бога неизбежно вело к «вырезанию» церкви из общества. Стратегия культивирования секуляризации достаточно четко проявляется в вербально-художественной культуре Серебряного века. В ряде произведений атеистической направленности будет формироваться «риторика секуляризации», язык, оправдывающий увеличение дистанции между Церковью и социумом.

Показательна роль вербально-художественной культуры в эскалации секуляризации в истории России, начиная с эпохи Московского княжества. Приемы, используемые литературой для увеличения разрыва между обществом и Церковью, были достаточно многообразны, но наиболее распространенной стратегией становится дискредитация священства и монашества. Традиции изображения представителей Церкви в ироничных, уничижительных тонах, несомненно, присутствовали в русской литературе давно и прочно (вехи антицерковности прочно связаны с именами Аввакума, А. Кантемира, Новикова и др.), однако столь деструктивную эффективность стратегия дискредитации священства и монашества обретает именно в Серебряном веке. Трудно выделить писателя, который бы не дал «приземленное» изображение священника: А. Белый в «Серебряном голубе» опишет пьяного отца Вукола, берущего приступом «Арс»; А. Чехов будет акцентировать внимание на бюрократической структуре Церкви («Архиерей»); А. Толстой расскажет о слабостях монастырских затворников («Неверный шаг»), М. Горький будет встраивать действия священства в одну парадигму с субботней поркой, Л. Толстой «обличит» церковные таинства и лицемерие «попов», Д. Мережковский будет требовать «новой церкви», А. Грин будет высмеивать библейские сюжеты и монастырские идеалы («Капитан Дюк»), М. Пришвин отметит подражательные «улыбочки» монахов, а А. Куприн назовет их «красивыми фазанами» («Поединок»).

Акцентирование внимания литературы преимущественно на «беспорядке в Церкви» вел ко все большему расколу между церковью и обществом, к развитию ситуации «розни» даже внутри самой Церкви. Дискредитация священства как якобы не соответствующего требованиям истинного христианства, а, следовательно, уместность и возможность устранения священства, а с ним и Церкви из реальной общественной жизни – таков ход реализации деструктивной стратегии уничтожения представителей церкви.

Негативные оценки Церкви, представленные в литературных произведениях, были направлены не только против самой Церкви, но и против ее официального госу-

дарственного положения. Лишить государство и Церковь взаимной поддержки означало осуществление масштабного разрушения стабильной социокультурной модели. Официоз церковности, негативно изображаемый в произведениях многих авторов Серебряного века (Л. Андреев, М. Горький и др.), превращался в отрицательное клише, обезличивающее индивидуальность церковного сознания. Приравнивание всей Церкви к бюрократически-официальному учреждению позволяло наносить деструктивно ориентированным стратегиям «двойной» удар и по государственно-имперским (особенно остро в этом отношении звучала тема взаимоотношений Распутина и царской семьи, мистическое суеверие царя и царицы), и по традиционно-церковным культурным стереотипам.

Разрушение традиционного представления о церкви в читательском сознании неизбежно требовало создания проектов «нео-церковности», реализации стратегий создания «новой церкви». Вербально-художественная культура, стремящаяся к разрушению традиционной церковности, стремилась создать образ ослабевшей «старой Церкви», представить ее дряхлеющей и лишенной продуктивной результативности. Значительное число негативных изображений священников в литературных произведениях М. Горького, А. Чехова, А. и Л. Толстого и мн. др. были призваны подтвердить тезис о неспособности «старой Церкви» выполнять возложенные на нее духовно-социальные функции.

Таким образом, кощунственность с помощью вербально-художественной культуры превращалась в осознанную форму антицерковности, в целенаправленную стратегию ослабления церковного влияния на общественное сознание. Ослабление церковно «оформленной» веры неминуемо вело к самому деструктивному феномену – безверию, вылившегося в беспощадные исторические катаклизмы. Ответственность за негативные процессы, переломившие естественный ход национальной истории России, лежит и на художественной литературе того времени. Осознать и проследить эти тенденции, а, главное, предупредить литературное сообщество от возможного повторения негативного сценария, – одна из насущнейших задач всех здравомыслящих сил современного общества.

Список литературы

1. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). – М.: Наука, 2000. – 291 с.
2. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Художественная литература, 1985. – 352 с.
3. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. – М.: Мысль, 1992. – 390 с.
4. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970. – 186 с.
5. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 539 с.
6. Левшун Л. История восточнославянского книжного слова. – Минск: Экономпресс, 2001. – 320 с.
7. Нешитов П. Ю. «Человеческое» и «ангельское» в протопопе Аввакуме // Путь Востока. Традиции и современность. Материалы 5 Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». – Выпуск 28. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 90 – 94.
8. Из истории русской культуры. – Т. 4 (XVIII – начало XIX века). – М.: Языки культуры, 1996. – 712 с.
9. Петров А. В. Теургия: социо-культурные аспекты возникновения философски интерпретированной магии в античности: Режим доступа: http://www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/petrov/001_0103.htm (дата обращения 20.01.2011).
10. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма // Полигнозис. – № 1. – М., 1999. – С. 83 – 104.
11. Богомолов Н. А. Русская литература начала XX в. и оккультизм. – М.: НЛЮ. – 2000. – 552 с.
12. Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. – М.: Совет. Россия, 1978. – 202 с.

13. Хен Ю. Сатанизм в стратегиях выживания // Стратегии выживания: космизм и экология. – Л., 1996. – 180 с.

CHURCH AND SILVER AGE FICTION: DIALOGUE AND OPPOSITION

S. A. Kolesnikov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
SKolesnikov@bsu.edu.ru*

In the article several aspects of mutual relations between Russian Orthodox Church and fiction of the Silver age are considered. The author marks two vectors in development of these relations – positive and negative ones. The author emphasizes the consideration of the negative vector of intense relations between Church and literary community, on the one hand, and strengthening conflicts in a society on «a boundary of centuries», on the other.

Key words: Silver age, literature and church, paganism, occultism.